

Дефразеологизация диалогических клише как путь к грамматикализации

Валентина Г. Кульпина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, vgrkulpina@mail.ru*

Аннотация. В работе проведен анализ актуальной проблематики фразеологизированных диалогических клише. Рассматриваемый тип клишированных языковых единиц представляет собой синтаксические фразеологизмы – фразеосхемы, то есть нечленимые коммуникативные единицы. Особенности диалогических клише данного типа состоит в содержащихся в них местоименных включениях, что и обуславливает определенную специфику таких единиц. Этот тип клише стал в наши дни объектом лексикографического описания, единицей словаря. Обращается внимание на то, что эти же языковые единицы, в том числе формы так называемого дательного этического, в славянских языках, наследуя латинскую традицию, включаются в морфологическую парадигму местоимений, что придает им статус единиц грамматики, а не словаря. По результатам проведенного анализа устанавливается, что обозначившееся противоречие в интерпретации и квалификации таких структур как объектов словарного описания и одновременно элементов грамматики – обусловлено практическим удобством и сложившейся прагматикой их грамматического и лингводидактического описания как членов морфологических парадигм. В фокусе интереса находятся проблемы интерпретации и квалификации таких структур, дифференциации их типов, степень их фразеологизации и грамматикализации. Работа строится прежде всего на материале русского языка, но затрагивается и материал ряда других славянских языков.

Ключевые слова: диалогическое клише, синтаксический фразеологизм, местоимение, падеж, лексикография, словарь, русский язык, славянские языки

Для цитирования: Кульпина В.Г. Дефразеологизация диалогических клише как путь к грамматикализации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 166–180. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-166-180

Dephraseologization of dialogic cliché as a way to grammaticalization

Valentina G. Kulpina

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, vgrkulpina@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the current problematic of dialogic cliché. Such type of phraseological language units is a sort of syntactic phraseologisms – so called phraseological schemes, the undivided communicative units. Their peculiarity of dialogic clichés of that type lies in the pronoun inclusions they contain, which stipulate certain specificity of such units. These language units are nowadays subjects of lexicographical, dictionaries' description. In the article the attention is paid to the parts of such phraseological units, e. g. the forms of *Dativus Ethicus*) in Slavic languages which succeed the Latin tradition, so that they are included into morphologic paradigms of pronouns. Such way they gain the status of grammar units, but not dictionary ones. On the base of the analysis it is asserted that apparent contradiction in the interpretation and qualification of such structures as objects of dictionary description and, at the same time, elements of grammar is caused by practical convenience and the existing pragmatics of their grammatical and linguodidactic description as the members of morphologic paradigms. In the central position are the issues of interpretation and qualification of such structures, differences of their types, the degree of their phraseological and grammatical content. In the article the material of Russian and some other Slavic languages is used.

Keywords: dialogic cliché, syntactic phraseologism, pronoun, case, lexicography, dictionary, Russian language, Slavic languages

For citation: Kulpina, V.G. (2024), "Defraseologization of dialogic cliché as a way to grammaticalization", *RSUH/RGGU Bulletin "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 166–180, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-166-180

1. Диалогические клише в нашей жизни и в словаре

Еще со школы помнится экспрессивное выражение «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», исторический факт превратился в крылатое выражение, означающее неожиданный разворот судьбы. Выражение воспринимается как некая целостность. Если сопоставить его с другими выражениями, строящимися по той же схеме (фразеосхеме), то в нем выделяется общая часть **Вот тебе... и**. Такого

рода языковые единицы зафиксированы в «Словаре экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели» В.Ю. Меликяна¹ и являются предметом обсуждения в монографии этого же автора [Меликян 2019]. Фразеосинтаксическая схема (фразеосхема) – термин Д.Н. Шмелева (см.: [Шмелев 1976, с. 326–327]. Приведем дефиницию фразеосхемы:

...это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиции, выражающая членимое понятийное смысловое содержание (т. е. равное суждению), обладающая грамматической и лексической нечленимостью, ограниченной проницаемостью и расширяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию².

Обратимся к примерам на фразеосхему **Вот тебе и...** из вышеуказанного словаря: (1) с положительной оценочностью: «*Ну и Павка! Вот тебе и шкет!* (Н. Островский. Как закалялась сталь)» (СЭУФ 2016); (2) с отрицательной оценочностью: «*Вот тебе и Светлое Христово воскресенье, – горестно воскликнул Сашок* (М. Горький)»³.

Фразеологизированный характер таких единиц проступает достаточно отчетливо.

2. Дательный этический как феномен фразеологии и грамматики

Хотя в приведенных выше и им подобных выражениях вполне рельефно выделяется общая фразеосхема **Вот тебе и**, тем не менее, не взирая на фразеологизированный характер, в этих структурах (синтаксических фразеологизмах) принято выделять так называемый дательный этический (dativus ethicus) в качестве элемента падежной парадигмы (с присущей ему специфической падежной

¹ Меликян В.Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2016. С. 32 (далее отсылки на это издание – СЭУФ 2016 – даны в тексте в круглых скобках).

² Меликян В.Ю. Современный русский язык: синтаксическая фразеология: Учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2014. С. 161–162.

³ Там же.

семантикой), что имеет приметы противоречия в плане одновременной принадлежности этих форм и грамматической системе, и фразеологическому фонду языка. Признаки этого падежа: экспрессивность, разговорность, оценочность (выражает отношение говорящего к происходящему – положительное или (чаще) отрицательное), возможность его изъятия из предложения без нарушения его структурно-семантической целостности. Главное здесь в том, что формы дательного этического относятся ко всему предложению и вместе с тем могут быть изъятые из него без нарушения его структурно-семантической целостности.

С.И. Соболевский называет этот падеж дательным нравственного участия⁴; польская исследовательница Х. Конечна определяет *dativus ethicus* как конвенциональный дательный [Konieczna 1938–39, с. 110], а чешские исследователи Я. Бауэр и М. Гремпл называют его *emocionální dativ* ‘эмоциональный дательный’ [Bauer, Grempl 1965, с. 140]. Г.И. Кустова считает, что его «правильнее было бы назвать экспрессивным дательным» [Кустова 2011].

Формы с подобной экспрессивной семантикой в русском языке связываются исключительно с дательным падежом. Его самой частотной реализацией являются формы местоимений 1-го и 2-го лица единств. числа (хотя могут встретиться и другие вариации форм лица и числа).

И таким образом, с одной стороны, мы имеем дело с высокочастотными фразеосхемами, то есть с нечленимыми структурами. С другой же стороны, в них выделяется падежная форма, то есть часть морфологической парадигмы. О принципах и процедурах выделения падежа пишет А.А. Камынина в учебнике «Современный русский язык»⁵, а Е.Н. Лютикова в книге «Формальные модели падежа: Теории и приложения» описывает формирование падежа в терминах *приписывание падежа, механизмы приписывания падежа* [Лютикова 2017, с. 48–62].

По всей вероятности, выделение падежной формы в структурах фразеосхем есть результат вторичного процесса – процесса грамматикализации. Иными словами, фразеологизированная структура в связи со своим формальным сходством с падежной формой осмысливается как падеж и включается в морфологическую парадигму. Отметим, что выделяемое исследователями падежное

⁴ Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Ч. 1: (Теоретическая). Морфология и синтаксис. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. С. 140.

⁵ Камынина А.А. Современный русский язык: Морфология: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Изд-во Московского университета, 2010. С. 59–62.

значение – дательный этический – является чисто местоименным, существительные в таковых не выступают. Отсюда формы дательного этического как бы естественным образом встраиваются в морфологическую парадигму личных местоимений.

При этом, если обратиться к системе склонения личных местоимений (без учета дательного этического) и сопоставить ее с системой склонения существительных, можно увидеть, что другие, базовые падежные значения личных местоимений имеют другую природу, не фразеологизированную, но вполне морфологическую, словоизменительную. Более того, возможность замены существительных личными местоимениями критериальна в том плане, что может выступать в качестве показателя и критерия принадлежности падежной формы или конструкции существительного к кругу собственно падежных, словоизменительных. Семантика падежных форм и конструкций личных местоимений однотипна, высокоабстрактна и выражает субъектный и объектный типы падежных отношений как отношений словоизменительных. На этом фоне фразеологизированные структуры дательного этического выступают как экстраординарные и «квазипадежные».

Примечательно в связи с вышесказанным, что круг падежных значений личных местоимений значительно уже, чем у существительных (см.: [Кульпина 1979, с. 36–46; Кульпина 2023, с. 81–87]). Отсюда морфологическая парадигма личных местоимений может быть охарактеризована как неполная, дефектная. Впрочем, явление неполноты морфологической парадигмы в принципе достаточно распространено. Подкрепить данное положение можно, сославшись на утверждение Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, что

...ни одно из русских существительных ни в единственном, ни во множественном числе не имеет парадигмы, состоящей из шести материально различимых падежных форм [Булыгина, Шмелев 1997, с. 354].

Данное утверждение в еще большей мере касается парадигмы склонения личных местоимений, которая по сравнению с существительными редуцирована и избирательна. Своим фразеологизированным характером дательный этический (как *квазипадеж*) выбивается за рамки системы склонения личных местоимений, а включение его в местоименную морфологическую парадигму является вторичным процессом грамматикализации в результате процедуры придания («приписывания») этим формам грамматических свойств падежа, исходя из формального сходства с падежными формами дательного падежа личных местоимений.

3. Процессы грамматикализации как смена лингвистического статуса

В связи с процессами грамматикализации следует иметь в виду, что

...при грамматикализации речь идет об изменении лингвистического статуса языковой единицы, т. е. о трансформациях как означающего, так и означаемого с опорой на ее концептуальное содержание [...]. Отсюда грамматикализация как процесс в когнитивном аспекте – это концептуальная транспозиция, т. е. перенос одной области опыта в другую... [Меликян 2022, с. 103].

В свете приведенных данных грамматикализация фразеосхем с местоимениями понимается нами в данном случае как обречение фразеологизированными структурами с местоименными включениями падежных форм, которые, выступают в едином фразеологизированном комплексе (фразеосхеме), воспринимаемом целиком, как единое целое. Продолжив этот ход рассуждений, приходим к выводу об изменении лингвистического статуса элемента фразеосхемы и обретения им статуса члена морфологической парадигмы.

Фразеосхем такого типа, как описанный выше, с местоименными включениями дательного этического, чрезвычайно много. Новые синтаксические фразеологизмы нередко строятся по уже известным моделям. См. ниже примеры:

– с семантикой осуждения и презрения:

(3) *«Тожe мне, подруга!»* [из устной речи] / *Тожe мне, артист нашелся!* [Меликян 2022, с. 110]:

– с семантикой заслуженного возмездия:

(4) *Так тебе и надо!* / *Поделом тебе!* (из устной речи).

– в случаях рукоприкладства в качестве текстового сопровождения:

(5) *Вот тебе, вот тебе!* / *На тебе, на тебе!* (из устной речи).

Фразеологизированный характер такого типа клише вполне ощутим, см. ниже др. яркие примеры диалогических клише с включениями местоименных конструктивных элементов с разнообразной семантикой, охватываемой дательным этическим:

- (6) **Вот тебе крест святой!** (Владимир Войнович. Москва 2024) (1986) (НКРЯ 2023)

См. примеры с фразеосхемой **нужно мне** с большой прагматической нагрузкой:

- (7) *Нужно мне это всё* (В. Гроссман. Жизнь и судьба)» (СЭУФ 2016, с. 123);
 (8) *Очень нужно мне рассказывать! Не дожидется* (А. Толстой. Золотой ключик, или приключения Буратино) (СЭУФ 2016, с. 123).
 (9) *Нужно мне такого! Захожу, в тысячу раз лучше твоего Васьки найду* (П. Мельников-Печерский. В лесах) (СЭУФ 2016, с. 125).

См. также в вопросительной версии с местоимением 2-го лица:

- (10) *«Нужно тебе это? Не-а, – согласился тепловик* (Д. Липскеров. Последний сон разума) (СЭУФ 2016, с. 124).

Сходной семантикой «ненужности» и ещё бóльшим прагматическим эффектом обладают распространенные фразеосхемы типа **на кой мне**:

- (11) *Бери. – На кой мне ваша картошка. Курицу гони.* (Юрий Коваль. Картофельная собака (1972) (НКРЯ 2023).

Итак, фразеосхемы с местоимениями в свете вышеприведенных примеров реализуют свою задачу служить грамматическим каркасом для презентации разнообразных жизненных ситуаций:

Фразеосхема в совокупности означающего и означаемого представляет собой грамматический знак, в который можно закладывать разнообразное содержание и получать изначально заданный результат [Меликян 2022, с. 105].

4. Процессы грамматикализации как продукт лингвокультуры и дидактики

Рассматриваемый тип диалогических клише с местоименными включениями характеризуется повышенным градусом экспрессивности. О словарной сущности таких клише свидетельствует их презентация в лексикографическом труде – в уже упоминавшемся «Словаре экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы

и устойчивые модели»⁶. Современных лексикографов во все большей мере интересует вопрос презентации в словарях класса местоимений (см.: [Шведова 1998; Ваї́ко 2001], в том числе местоименных словосочетаний и комплексов (см.: [Кульпина 2009])).

Вопреки этим трендам, в славистической традиции, наследующей латинскую⁷, местоименные включения в составе ряда клише принято рассматривать именно как падежные формы местоимений. Исследования таких форм с целью экспликации их семантико-грамматических особенностей предпринимались и в наши дни; на материале русского языка (см.: [Машовец 2000; Филимонова 2021]). Так, Е.Н. Машовец свой исследовательский интерес к формам дательного этического связывает с их все большей распространенностью в бытовой сфере и в медийном дискурсе [Машовец 2000, с. 10].

Для сравнения обратимся к польскому языку и существующей здесь этнолингвистической традиции. В польской лингвистической литературе – давнишней и сегодняшней – представлены разные аспекты рассмотрения дательного этического. Так, А. Мирович в статье по проблемам лексикографии «Примечания на полях словарной работы» относит *dativus ethicus* к модальным словам: «Некой разновидностью модальных слов (аффектантов по Йодловскому) является также так наз. *dativus ethicus*» [Mirowicz 1950, с. 489] [[https:// bazhum>files>Pamiętnik Literacki/](https://bazhum.files.Pamiętnik Literacki/)] (статья оцифрована в XXI в.). С. Дакович предприняла межъязыковое сопоставление в статье «*Dativus Ethicus* в хорватском и польском языках» [Daković 2013].

Польские примеры форм дательного этического при переводе на русский язык нередко демонстрируют исчезновение таковых. Так, например, частотная структура польского языка ***To mi*** (букв. 'Это мне') или еще более эмоционально с усилительной частицей ***dopiero: To mi dopiero!*** (букв. 'Вот это мне!'), манифестирующая крайнее удивление, может быть переведена как 'Тоже мне!', но не менее точен перевод 'Это надо же!' или 'Что ж это такое!' или 'Как же так!'. Падежная форма, улетучиваясь при переводе, заменяется модальными выражениями с экспрессивной окраской, что позволяет увидеть со всей наглядностью, что мы имеем дело не с падежной формой, а с фразеосхемой. См. примеры с фразеосхемой ***to mi*** 'это мне' и ее вариантом ***to mi dopiero*** 'букв. *вот это мне...*'

- (12) *Mam się utopić? Nakłaniasz mnie do samobójstwa? To mi dopiero życzliwa rada* (Bajki robotów) (NKJP 2023) 'Я должна утопиться?

⁶ Меликян В.Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз...

⁷ Соболевский С.И. Указ. соч. С. 140, 142.

Склоняешь меня к самоубийству? **Вот это** (букв. 'это мне') доброжелательный совет'.

- (13) *za zadanie doprowadzić taki majątek do kwitnącego stanu. To mi dopiero robota, co mnie pęci* (Noce i dnie) (НКJP 2023)' задача привести такую усадьбу в цветущее состояние. **Вот это мне** работа, которая меня привлекает!'

Фразеосхемы **masz ci** 'букв. **вот тебе...**' и еще более эмоционально звучащую **masz ci los!** 'букв. **≈ вот тебе и на!**' Х. Конечна определяет как «не слишком элегантные» [Konieczna 1938, с. 110].

- (14) **Masz ci gościnność!** – *cicho roześmiał się Kazimierz* (Kordian i cham) (НКJP 2023)

'**Вот тебе и** гостеприимство, – тихо рассмеялся Казимеж'.

- (15) **No, masz ci los. Znowu pyta. A skąd ja tam wiedzieć?** (Gazeta Wyborcza) (НКJP 2023)

'**Вот тебе и на! / Ничего себе!** Опять спрашивает. А откуда мне знать?'

Сопоставление материала русского языка с данными по другим языкам показывает, что языковое явление формирования диалогических клише – с последующим их осмыслением в плоскости дефразеологизации и грамматикализации – является достаточно распространенным фактом славянских языков (см. напр.: [Кульпина 2022]), но не только. Такое переосмысление подхода к языковому материалу можно наблюдать среди прочего на материале литовского языка (см.: [Эльзбутас 1967]).

Если обратиться к падежу, близкому дательному этическому по своей экспрессивности – так наз. дательному выгоды/невыгоды (*dativus commodi et incommodi*), он же бенефактив у представителей прикладной лингвистики и типологии (см.: [Соломкина, Подлеская 2016] на материале японского языка), то здесь, как представляется, в целом ряде случаев также можно говорить о грамматикализации фразеологизированных структур (возможно, с меньшей наглядностью, однако при этом также с весьма широким репертуаром фразеосхем). См. далее пример с дательным выгоды/невыгоды русского языка:

- (16) **Ты мне не указывай!** (Михаил Шолохов. Они сражались за родину) (1975) (НКРЯ 2023).

От дательного этического формы дательного выгоды/невыгоды отличаются тем, что они являются полновесными членами

предложения и не могут быть из него исключены без изменения общего смысла предложения, а главное – они не прерогатива лишь местоимений: существительные в падеже с такой семантикой тоже могут употребляться.

Фразеологизированный характер диалогических клише просматривается достаточно рельефно, а именно можно ощутить не собственно падежный (не словоизменятельный) характер этих форм. И в этом месте, наверное, стоило бы поговорить о том, что такое собственно падеж, собственно падежные формы как часть обеспечивающей текстовую связность системы словоизменения. Именно местоименный материал может здесь послужить надежным индикатором.

Сама падежная система флективных языков, ее парадигмы – это конгломерат явлений самой разной природы, разных разностей. В морфологической парадигме существительных, наряду с их формами и конструкциями, обеспечивающими связность текста через словоизменение таковых, представлены также результаты процессов лексикализации, адвербиализации, фразеологизации, метафоризации форм и конструкций существительных. В эту общую картину, по образцу существительных, формирующих парадигмы из столь разнообразного материала, вполне вписываются формы дательного этического. При этом дидактически удобно и экспланаторно целесообразно объединять указанные языковые явления в пределах морфологической парадигмы благодаря существенной объяснительной силе и наглядности парадигматической презентации материала.

Падеж местоимений являет собой – по сравнению с системой падежа существительных – нечто особенное, характеризующееся специфической, особого типа лакунарностью [Кульпина 1979, с. 43]. Он являет собой базисную основу падежной системы как словоизменятельного феномена флективных языков, самое грамматичное из грамматичного. В то же время такой местоименный падеж, как дательный этический (существительные таковым не обладают) – это как бы и не падеж, а «квазипадеж», тип фразеосхемы, что показывает материал его употребления и лексикографическая фиксация его форм. Эти формы местоимений в составе диалогических клише с полным основанием включаются в словари, так как они есть принадлежность словаря, но не грамматики.

Достаточно очевидно, что составляющие падежной системы являются продуктом процессов разной природы – и в то же время, как можно наблюдать на примере ряда форм местоимений – нередко плодом вторичной грамматикализации.

Подчеркнем, что падеж местоимений во всех флективных славянских языках составляет костяк падежной системы. А в таких

славянских языках, как болгарский и македонский, утративших флексии существительных, собственно говоря, падеж *in principia* существует исключительно на базе местоимений. По поводу сохранения, хотя и в редуцированном виде, системы склонения личных местоимений в нефлексивных (а когда-то флексивных) языках В.А. Плунгян во «Введении в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира» отмечает:

...падежные системы (личных) местоимений (которые во многих языках мира имеют особый набор падежных граммем или вообще оказываются единственным классом склоняемых слов) могут существовать в «редуцированном» виде и достаточно длительное время [Плунгян 2011, с. 158–159].

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев в книге «Языковая картина мира на материале русской грамматики» пишут о разном устройстве парадигм для разных классов:

При описании морфологических парадигм лингвисты нередко сталкиваются с тем, что часть слов, принадлежащих к определенному классу, различает большее число форм, чем другая часть. Одним из возможных подходов к описанию данной ситуации является «дифференцирующий» подход, допускающий признание разного устройства парадигм для разных подклассов рассматриваемого класса [Булыгина, Шмелев 1997, с. 353].

Следует особо подчеркнуть, что наблюдается глубокое различие состава морфологических парадигм класса существительных и класса местоимений. Целый ряд форм и конструкций существительных не подлежит субституции личными местоимениями из-за типа и характера этих формаций и специфики местоименной семантики. Необходимость дифференцирующего подхода к падежным системам этих частеречных классов вытекает в том числе из рассмотренного материала.

Заключая анализ, отметим, что достаточно наглядно обнаруживает себя факт, что отнесение конструктивных элементов фразеосхемы к какому-либо падежу является вторичной процедурой, переосмыслением фразеологизированных структур, индикатором аналитического подхода к диалогическим клише, исходя из формальной узнаваемости и вычленяемости в них падежных форм и конструкций и в силу большой объяснительной и, соответственно, педагогической ценности такого подхода на основе составления

морфологической парадигмы. Дидактико-прикладная ценность такого подхода говорит сама за себя, она постоянно реализуется в практике преподавания как русского, так и других флективных языков.

Литература

- Булыгина, Шмелев 1997 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая картина мира (на материале русской грамматики). М.: Школа: «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
- Кульпина 1979 – *Кульпина В.Г.* Сопоставление функционирования падежных форм существительных и личных местоимений (на материале польского языка) // Вестник Московского университета. 1979. № 3. С. 36–46.
- Кульпина 2009 – *Кульпина В.Г.* Современные тенденции в лексикографировании класса местоимений (на материале польского и русского языков) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. науч. статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой / Ред. колл.: В.В. Красных, А.И. Изотов, В.Г. Кульпина. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 38. С. 124–134.
- Кульпина 2022 – *Кульпина В.Г.* Прагматика личных местоимений в составе местоименных комплексов и диалоговых единств // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 111–135.
- Кульпина 2023 – *Кульпина В.Г.* Семантика и прагматика класса местоимений в трудах Ольги Павловны Ермаковой // Семантика и прагматика языковых единиц разных уровней : доклады Межд. научн. конференции, посв. памяти д.ф.н. проф. Ольги Павловны Ермаковой / Редкол. А.Н. Еремин (отв. ред.) и др. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2023. С. 181–187.
- Кустова 2011 – *Кустова Г.И.* Общая характеристика падежной системы: Проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М., 2011. URL: <https://rusgram.ru>chapter/label/Падеж> (дата обращения 20 сентября 2023).
- Лютикова 2017 – *Лютикова Е.А.* Формальные модели падежа. Теории и приложения. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. 384 с. (Studia philologica).
- Машовец 2000 – *Машовец Е.Н.* Конструкции с дательным этическим в современном русском языке: Автореф дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 16 с.
- Меликян 2019 – *Меликян В.Ю.* Синтаксические фразеологические единицы: фразеосинтаксические схемы: Монография. Ростов н/Д: Дониздат, 2019. 268 с.
- Меликян В.Ю., Меликян А.В. 2022 – *Меликян В.Ю., Меликян А.В.* Фразеосхемы как результат процесса грамматикализации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 102–114.
- Плунгян 2011 – *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

- Соломкина, Подлеская 2016 – *Соломкина Н.А., Подлеская В.И.* Бенефактивные конструкции в японском языке: особенности современного употребления // *Opuscula Iaponica et Slavica. Vol. III* / Ed. by Marek A. Iwanowski. Warszawa: BEL Studio, 2016. S. 23–36.
- Филимонова – *Филимонова Е.Ю.* Дательный этический и генитив с предлогом в конфликтных репликах в русском языке // *Rhema. Рема.* 2021. № 2. С. 149–170. URL: [elibrary.ru >xw6ppq rhema-journal.com](http://elibrary.ru/xw6ppq_rhema-journal.com)>*Rhema_2021_2_Filimonova.pdf* (дата обращения 11 ноября 2023).
- Шведова 1998 – *Шведова Н.Ю.* Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с. (38 схем).
- Шмелев 1976 – *Шмелев Д.Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: АН СССР, 1976. 148 с.
- Эльзбутас 1967 – *Эльзбутас Ю.В.* Дательный заинтересованного лица в современном русском и литовском языках // *Филологические науки.* 1967. № 3. С. 3–13.
- Bańko 2001 – *Bańko M.* Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa. Warszawa: Wydział polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego. 2001. 336 s.
- Bauer, Grempl 1965 – *Bauer J., Grempl M.* Skladba spisovné češtiny. Praha: Statní pedagogické nakladatelství, 1965. 243 c.
- Daković 2013 – *Daković S.* Dativus Ethicus w języku chorwackim i polskim / Dativus ethicus in Croatian and Polish // *W dialogu języków i kultur III* / Redakcja naukowa tomu Krzysztof Fordoński, Łukasz Karpiński. Warszawa, 2013.
- Koneczna 1938 – *Koneczna H.* O celowniku konwencjonalnym w języku polskim // *Poradnik Językowy*, 1938–39. Nr. 7. S. 109–111.
- Mirowicz 1950 – *Mirowicz A.* Uwagi na marginesie pracy słownikowej. // *Pamiętnik Literacki.* 1950. S. 485–491. URL: [https://bazhum.muzhp.pl/media/files>](https://bazhum.muzhp.pl/media/files/Pamiętnik_Literacki_nr_41_2_S_485-491) *Pamiętnik Literacki*, nr. 41/2. S. 485–491 (дата обращения 8 ноября 2023).

References

- Bańko, M. (2001), *Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa* [From the boundaries of lexicography and linguistics], Wydział polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, Warsaw, Poland.
- Bauer, J. and Grempl, M. (1965), *Skladba spisovné češtiny* [Syntax of contemporary Czech language], Statní pedagogické nakladatelství, Prague, Czechia.
- Bulygina, T.V. and Shmelev, A.D. (1997), *Yazykovaya kartina mira (na materiale russkoi grammatiki)* [The linguistic worldview (on the material of Russian grammar)], Shkola: “Yazyki russkoj kul’tury”, Moscow, Russia.
- Daković, S. (2013), “Dativus Ethicus w języku chorwackim i polskim” [Dativus ethicus in Croatian and Polish], in Fordoński, K. and Karpiński, Ł. (ed.), *W dialogu języków i kultur III*, Warsaw, Poland.

- El'zbutas, Yu.V. (1967), "Dativus ethicus in contemporary Russian and Lithuanian language", *Filologicheskie nauki*, no. 3, pp. 3–13.
- Filimonova, E.Yu. (2021), "Ethical Dative and Prepositional Genitive in Conflict-inducing Phrases in Russian", *Rhema. Rema*, no. 2, pp. 149–170, available at: [elibrary.ru >xw6ppq](http://elibrary.ru/xw6ppq) rhema-journal.com>Rhema_2021_2_Filimonova.pdf (Accessed 11 November 2023).
- Koneczna, H. (1938), "About Dativus convencionalis in Polish language", *Poradnik Językowy*, no. 7, pp. 109–111.
- Kul'pina, V.G. (1979), "The comparison of functioning of substantives and personal pronouns' case forms (on the material of Polish language)", *Vestnik Moskovskogo universiteta*, no. 3, pp. 36–46.
- Kul'pina, V.G. (2009), "The contemporary trends in lexicography of the pronoun class (on the material of Polish and Russian languages)", Krasnyh, V.V., Izotov, A.I. and Kul'pina, V.G. (eds.), *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. nauch. statei, posvyashchennyy pamyati zaslužennogo professora MGU Aleksandry Grigor'evny Shirokovoi* [Language, consciousness, communication. Collection of scientific articles commemorating Aleksandra Grigorievna Shirokova, Honored Professor of MSU], MAKS Press, Moscow, Russia, iss. 38, pp. 124–134.
- Kul'pina, V.G. (2022), "Pragmatics of personal pronouns in the structure of pronoun complexes and dialog unities", *RSUH/RGGU Bulletin "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 1, pp. 111–135.
- Kul'pina, V.G., (2023), "Semantics and pragmatics of pronouns' class in the works of Ol'ga Pavlovna Ermakova", Eremin, A.N. and others (ed. board), *Semantika i pragmatika yazykovykh edinits raznykh urovnei: doklady Mezhd. nauchn. konferentsii, posv. pamyati d.f.n. prof. Ol'gi Pavlovny Ermakovoi* [Semantics and pragmatics of linguistic units of different levels. Reports of the International Conference in Memory of Dr. Olga Pavlovna Ermakova], KGU im. K.E. Tsiolkovskogo, Kaluga, Russia, pp. 181–187.
- Kustova, G.I. (2011), *Obshchaya kharakteristika padezhnoi sistemy* [The general characteristics of case system], available at: <https://rusgram.ru>>chapter/label/Padezh (Accessed 20 Sept 2023).
- Lyutikova, E.A. (2017), *Formal'nye modeli padezha. Teorii i prilozheniya* [The formal models of case. Theories and appositions], Izdatel'skii dom YaSK, Moscow, Russia.
- Mashovec, E.N., (2000), *Constructions of dativus ethicus in modern Russian language*, Abstract of Ph.D dissertation. Saratov, Russia.
- Melikyan, V.Yu (2019), *Sintaksicheskie frazeologicheskie editsy: frazeosintaksicheskie skhemy, monograph* [The syntactic phraseological units. Phraseological schemes. Monograph], Donizdat, Rostov-on-Don, Russia.
- Melikyan, V.Yu. and Melikyan, A.V. (2022) "Fixed phrase schemes as the 'results' of grammaticalization process", *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 102–114.
- Mirowicz, A. (1950), "Comments on the occasion of dictionary work", *Pamiętnik Literacki*, no. 41/2, pp. 485–491, available at: [https://bazhum.muzhp.pl>media>files>Pamiętnik Literacki](https://bazhum.muzhp.pl/media/files/Pamiętnik_Literacki), (Accessed 8 November 2023).

- Plungyan, V.A. (2011), *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics. Grammatical meanings and grammatical systems of world languages], RGGU, Moscow, Russia.
- Solomkina, N.A. and Podlesskaya, V.I. (2016), “Benefactive constructions in Japanese language as a peculiarity of contemporary usage”, Iwanowski, M.A.(ed.), *Opuscula Iaponica et Slavica*, vol. III. BEL Studio, Warsaw, Poland, pp. 23–36.
- Shvedova, N.Yu. (1998), *Mestoimenie i smysl. Klass russkikh mestoimenii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva* [Pronoun and sense. Class of Russian pronouns and the meaning spaces they open up], Azbukovnik, Moscow, Russia.
- Shmelev, D.N. (1976), *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [The syntactic articulation of utterance in modern Russian], AN SSSR, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Валентина Г. Кульпина, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Россия, Москва, Ленинские Горы, д. 1; vgrkulpina@mail.ru

Information about the author

Valentina G. Kulpina, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119234; vgrkulpina@mail.ru